

Беляев Андрей Николаевич

О РЕКУРСИВНОМ МЕТОДЕ В ИССЛЕДОВАНИИ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

В статье рассматривается субстратная славянская топонимия на территории Восточной Германии на основе материалов, накопленных после известных работ Э. Эйхлера второй половины XX в. Наибольшее внимание уделяется рекурсивному методу исследования. Подробно описываются три типа рекурсии. На основе анализа выявленных фактов субстратной славянской топонимии характеризуются отдельные словообразовательные особенности древнелужицких топонимов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ABOUT PROJECT ACTIVITY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHER AND STUDENTS STUDYING FOREIGN LANGUAGE

Belkina Elena Pavlovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Syktvkar State University
lena.elebel@gmail.com

In the article the problem of using projects method when teaching a foreign language to the students of non-linguistic specialties is considered. The review of writings on different aspects of the problem mentioned above is made; terminological apparatus is specified; the examples of project work realized by the students studying "Fourism" in the classes of foreign language are given.

Key words and phrases: project; projecting; foreign language; prognostication; subject; project result; interaction.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается субстратная славянская топонимия на территории Восточной Германии на основе материалов, накопленных после известных работ Э. Эйхлера второй половины XX в. Наибольшее внимание уделяется рекурсивному методу исследования. Подробно описываются три типа рекурсии. На основе анализа выявленных фактов субстратной славянской топонимии характеризуются отдельные словообразовательные особенности древнелужицких топонимов.

Ключевые слова и фразы: имя собственное; апеллятив; славянская субстратная топонимия; рекурсивный метод; тип.

Беляев Андрей Николаевич, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный аграрный университет
anbelajew@mail.ru

О РЕКУРСИВНОМ МЕТОДЕ В ИССЛЕДОВАНИИ СУБСТРАТНОЙ ТОПНИМИИ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ[©]

Фронтальное и глубокое исследование славянской топонимии на территории Германии привело в своё время к выводу о целесообразности выделения структурных типов имён, имеющих своё определённое пространственное распределение [7]. Именно эти типы стали в дальнейшем предметом изучения древнелужицкой топонимии, в задачи которой входит исследование внутренних и внешних законов развития и образования топонимических единиц, а также фонетических и морфологических процессов их интеграции в топонимическую систему немецкого языка [6]. Многолетняя работа немецких славистов над компендиумом славянских топонимов в междуречье Заале и Нейсе, в местности преимущественно с лужицкими поселениями, позволила показать в своё время актуальное состояние исследования этого многослойного материала, который в некоторых отношениях трудно поддаётся лингвистической интерпретации [10, S. 21]. Все эти теоретические достижения современной топонимии не могли не оказать положительного влияния и на картографическую обработку древнелужицкого топонимического материала, представленного в «Древнелужицком топонимическом атласе» [8]. Концепция атласа основывается преимущественно на комбинации различных подходов к картографическому представлению топонимических фактов. Структурно-типологический подход касается словообразовательных морфем от соответствующих производящих именных основ, например, с помощью суффикса *-ici* или *-ovici*, с одной стороны, от полной формы антропонима (который, в свою очередь, может иметь различную структуру), как, например, *Domaslav + -ici*, и, с другой стороны, от апеллятива, к которому чаще всего добавлялся префикс, например, *Podgrod-ici*, *Za-gor-ici* (от *grod*, *gora*).

Однако приёмы и методы реконструкции субстратных топонимов, принципы их отбора и подачи в специальных словарях не нашли ещё в полной мере научно обоснованного и практически оправданного решения. Поэтому существует настоятельная необходимость обратиться к методам исследования субстратных древнелужицких топонимов, к поиску путей совершенствования их этимологизации. И хотя методике этимологического изучения субстратных географических названий посвящена уже довольно значительная литература, эту проблему никак нельзя считать исчерпанной. Как замечает А. М. Матвеев: «Ключ к прогрессу в топонимике несомненно надо искать в области методики исследования, так как и поныне методы изучения субстратных топонимов далеки от совершенства и подчас настолько противостоят друг другу, что их можно считать взаимоисключающими. В результате этимологизация топонимических названий часто произвольна. Как следствие этого, медленны темпы прогресса топонимии в приобретении данных подлинно научной ценности: дискуссионность положений вынуждает многих исследователей (как лингвистов, так и историков) обходить топонимический материал, поскольку полученные при анализе топонимов выводы далеко не всегда вызывают доверие» [3, с. 57].

В настоящей статье затрагивается вопрос об использовании рекурсивного метода для выявления и этимологизации славянских субстратных топонимов, предусматривающего реконструкцию (восстановление) древнего фонетико-морфологического облика топонима путём удаления более поздних напластований: путь от известного к неизвестному. Ср. ареально-ретрогрессивный метод А. П. Дульзона в исследовании субстратной топонимии [4] и ономастическую «рекурсию» Э. Эйхлера [10].

По мнению Э. Эйхлера, метод ономастической рекурсии имеет по меньшей мере два преимущества перед остальными методами: он позволяет более точно дифференцировать полученные в результате проведённой ономастической реконструкции совершенно различные исходы и осуществить дальнейшую разработку типологии разных групп имён, которые в зависимости от рекурсивного типа должны получить разное лексикографическое представление [Ibidem, S. 22].

Продолжая в духе традиции своих многочисленных предшественников, таких как Ф. Миклошич, Г. Хай, П. Кюнель, Э. Муке и др., справедливо полагавших, что немецкие и славянские топонимы чётко следуют принципу дихотомического образования (восходят к апеллятивам или личным именам, ср. антропогенные и геогенные ойконимы [1]), Э. Эйхлер в соответствии с этой дихотомией различает два главных типа рекурсии, а именно: 1) рекурсию топонима из апеллятива и 2) рекурсию топонима из личного имени. Естественно, оба главных типа подлежат дальнейшей детализации, которая может быть показана во всём многообразии в ходе лексикографической обработки материала. Это даст возможность выявить различные отправные точки при топонимобразовании, ввиду того, что первый тип устанавливает взаимную связь между топонимическим и апеллятивным уровнем, а второй тип вскрывает отношения между топонимом и личным именем, т.е. между двумя уровнями разных классов на интроонимическом уровне. Разновидность первого типа, соответственно, третий тип рекурсии, представляет трансатопонимизацию, т.е. переход славянского гидронима, например, *Kamenica* в ойконим *Chemnitz*, где отношение между производящим и производным также устанавливается на интроонимическом уровне.

Первому типу соответствуют такие ойконимы, как *Leipzig*, в основе которых лежат апеллятивы: **Lipsk(o)*, 1015 г. *Libzi*, позже *Lipzc*, *Lipzcik* от слав. апеллятива *lipa* «липа» [11]. Для сравнения приведём русские суффиксально-производные названия *Лунецк*, *Лунск*, *Лунцы* с той же основой. При этимологизации не следует исключать из поля зрения и основу относительного прилагательного *lipsk-*. Тем не менее, за суффиксом *-sk-* в большинстве случаев следует признать, по-видимому, топонимическую, а не апеллятивную деривацию.

По фактам исторической фонетики и морфологии можно проследить дальнейшее развитие этого названия в процессе его онемечивания. Так, в нововерхненемецком периоде происходит дифтонгизация долгого *ī* в *ei*, которая в восточнореннемецких топонимах фиксируется не раньше XIV в. Произошла также субституция др.-лужицк. консонанта *s* аффрикатой *z* (*ts*) и замена славянского суффикса немецким элементом *-zig*, ставшего самостоятельным конечным топонимическим элементом.

Таким образом, топоним *Leipzig* структурно мы можем разложить на элементы *Leip-zig* и рассматривать его как двучленное образование, соответствующее др.-лужицк. **Lip/sk* → вост.-ср.-нем. *Leip/zig*. Субстратная и онемеченная формы имеют аналогичную структуру. Однако в лексико-семантических системах древнелужицкого и немецкого языков эти структурные элементы выражают несопоставимые значения. В первом случае речь идёт о так называемых вторичных названиях с топонимической деривацией (др.-лужицк. **Lip/sk-*); словообразовательной основой этой структуры является производное от апеллятива *lip-a*. Обе морфемы коррелируют с соответствующими морфемами в апеллятивной сфере. Совершенно иную картину мы наблюдаем во втором случае. В немецком языке морфема *Leip-* встречается только в топонимической сфере, ср. другие интегрированные топонимы *Leip/a*, *Leip/en*, *Leip/nitz*, *Leip/gen*. Поэтому носитель немецкого языка едва ли воспринимает топонимический элемент *-zig* таким же, как он воспринимает элемент *-zig* в прилагательном *ran/zig* «прогорклый».

Тип от нарицательных имён *Leipzig* обладает структурными особенностями, характерными для суффиксально-деривативного способа образования славянских названий, позволяющие отличить его от первичных названий, образующих самостоятельный недеривативный подтип адаптированных славянских топонимов. Последний имеет место, если топонимизация апеллятива происходит без присоединения к апеллятиву или к апеллятивной основе какого-либо суффикса, например, от др.-лужицк. апеллятива *lipa* образованы в форме ед.ч. и мн.ч. названия *Lipa* и *Lipy*, интегрированные затем в немецкий язык как *Leip/a* или *Leip/en*.

Онемеченные славянские топонимы в Саксонии, как и в других областях, показывают, что структурно-словообразовательные особенности субстратных топонимов порой настолько затуманены, что убедительно говорить о структуре древнелужицкой праформы не всегда возможно. В лексикографической практике принято описывать возникшие новые структурные топонимические схемы, как правило, по образцу продуктивных моделей апеллятивных конструкций. Онемеченные славянские топонимы, распределяемые по типам *-a*, *-en*, *-(n)itz*, *-enz*, *-zig* и т.п., образуют не случайные, изолированные связи, а системные связи между топоосновой и формантом в пределах каждого типа.

О недеривативном подтипе можно говорить также в том случае, если топонимизация подвергается производный по структуре апеллятив без участия каких-либо топонимических суффиксов или формантов, например, др.-лужицк. **Lipina*, *Lipno*. Онемеченные в форме *Leip/en*, подобные топонимы уже имели в своей основе славянские апеллятивы с суффиксами *-ina* или *-no*. Однако вопрос о структуре апеллятива, лежащего в основе топонима, остаётся открытым. Проблема заключается в том, что один и тот же формант может использоваться как в общезыковой, так и в топонимической функциях, а также в случаях утраты апеллятивных соответствий.

Так, славянские названия типа **Gorica* (ныне *Görs / Göriz / Gör(t)z*) могли возникнуть в результате топонимизации одноструктурных апеллятивов, с другой стороны, есть основание предполагать, что они сформировались на топонимическом уровне, используя в качестве лексической базы апеллятив *gora* с добавлением суффикса *-ica*. Ср. аналогичные по структуре русские названия *Городянка, Горожанка, Городчанка*. Но, так или иначе, наличие в составе однословных ойконимов двух структурных разновидностей остаётся неоспоримым [2, с. 135-136]. Это относится и к отапеллятивным названиям с суффиксом *-ov-*. Известно, что суффикс *-ov-* (слав. *-ovъ*) был наделён не только посессивной, но также и топографической функцией. Последнюю следует считать более ранней, так как в наиболее древних названиях славянских городов, образованных от личных имён, предпочитался формант *-je:* (*Sěrad-jь*). Судя по источникам, топографическая функция *-ov-* была довольно частой: *Klenau* у Ольденбурга (1314 г. – *in Klenow*) < др.-полаб. **Klenow-* с многочисленными соответствиями в других славянских языках [5, с. 24-26]. В этом случае также трудно говорить о словообразовательном значении топонима. Поскольку он мог быть образован от славянского *klen* 'клен' с помощью суффикса *-ov-*, а также от прилагательного *klenovu* 'кленовый'.

Итак, отсутствие в ряде случаев однозначной дифференциации на словообразовательном уровне не позволяет определить исходный топонимический тип. У многих славянских субстратных топонимов уже не прослеживается связь между апеллятивной и топонимической деривациями.

В классификации отапеллятивных славянских топонимов (I тип реконструкции) могут быть выделены кроме первичных и вторичных топонимов ещё и сложные. Сложение основ могло произойти уже на апеллятивном уровне, например, др.-лужицк. **Medubor > Magdeborn* у Лейпцига. Композиты могут быть характерными для начального ономастического этапа (микротопонимы), но со временем подвергаются универбации *pod góra > Podgóra, za lasem > Zalesie, Zalas, Zalesice*. Древнелужицкие атрибутивные сочетания (*Běla gora, Čorný gozd*), ставшие топонимами, адаптировались впоследствии в немецком языке как моноксемные топонимы (*Belgern, Zhornegosda*).

Второму типу принадлежат такие ойконимы, как *Bautzen*, в XIX в. *Budissin*, др.-луж. *Budyšin*, к личному имени *Budych / Budyš* [9, S. 48-49], или *Lübeck* < форма множественного числа **L'ubky* к личному имени *L'ubek* [Ibidem, S. 173-174]. При этимологическом анализе субстратных топонимов в дальнейшем может возникнуть необходимость в реконструкции антропонимических топооснов, т.е. в установлении их лексической базы. И хотя подобное действие не всегда находит отклик у составителей топонимических словарей, оно во многих отношениях вполне разумно. Иллюстративным примером можно назвать славянские топонимы, образованные от топооснов антропонимического характера *Löb-* или *Lob-*, восходящие в свою очередь к распространённому *L'ub-* (*l'ub* – 'любимый'), или к **Lob-*. Этот тип широко представлен в других славянских языках. Однако не всегда удаётся точно определить, какая основа представлена в каждом конкретном случае. Тем не менее, с большой долей вероятности мы можем полагать, что рекурсия восходит здесь к личному имени. Восстановление апеллятивной основы личного имени, послужившего базой для создания топонима, затрудняется тем обстоятельством, что в процессе фонологической интеграции славянского топонима в топонимическую систему немецкого языка часто нейтрализуются древние различия в системе гласных (*u/o* и их дальнейшая субституция немецким вокализмом), к тому же в немецком языке не находит отражения релевантное для славянских языков противопоставление твёрдого и мягкого *l* (*l : l'*).

Исходя из морфологического анализа, второй тип рекурсии подлежит разбиению на пять структурных подтипов. Это производные топонимы от славянских полных личных имён с суффиксами *-j-*, *-(ov)ici*, *-in* и *-ov-*, а также славяно-немецкие гибридные имена со славянским полным именем в качестве определяющего слова типа *Bogomilsdorf*.

В исследуемой нами области состав личных имён, реконструированных из славянских топонимов, представлен наряду с двучленными полными личными именами, прозвищами, партикулярными именами и патронимами также краткими формами личных имён. Краткие формы личных имён представлены в структуре топонимов значительно чаще, чем двучленные полные имена. Выявленные в топонимах краткие имена образованы с помощью 13 различных суффиксов, самым частым из которых является нулевой суффикс (**L'ubici*), за ним следуют суффиксы *-š-* (**L'ubuš + ici*), *-n-* (**L'uban + ici*), *-t-* (**L'ubat + ici*) и другие. Критерием разграничения субтипов служит консонантный элемент соответствующих суффиксов. Поэтому **L'ubuš + ici* и **L'uban + ici* принадлежат двум различным субтипам. Дальнейшее подразделение на субсубтипы осуществляется с помощью гласных элементов антропонимического суффикса, вот почему **L'ubuš + ici* и **L'uboš + ici* принадлежат разным субсубтипам, но составляют один субтип. При одной и той же топооснове суффикс *-ici* может меняться с суффиксом *-ovici*, например, *Lübschütz < *L'ubošici* и **L'ubošovici*. Отсюда настоятельно вытекают статистические выкладки сочетаемости обоих патронимических суффиксов с различными антропоэлементами. Так, при кратких именах с нулевым суффиксом *-ici* встречается 68 раз, *-ovici*, напротив, 113 раз, с суффиксом *-k-* соотношение составляет 13:46, с суффиксом *-l-* – 38:11, с суффиксом *-š-* – 65:108.

Обратимся к другим областям Германии. По данным К. Мюллера, в бранденбургских, нижнесаксонских и голштинских ойконимах, производных от антропонимов, краткие формы личных имён распространены весьма часто. Лишь в округах Бельциг (46%) и Лебус (47%) их доля составляет чуть менее половины от общего числа личных имён, явившихся базой при создании топонимов. В остальных же округах процентный показатель достаточно высокий [12].

К вышеизложенным двум основным типам рекурсии славянских топонимов, которые локализованы на территории Германии, следует также отнести ещё третий тип. Ойконимы, как известно, могли легко быть

образованы от гидронимов, а именно от названий рек, потамонимов. По способу образования последние восходят вновь либо к апеллятивам (гидр. *Chemnitz* из др.-лужицк. **Kamenica* к апеллятиву *kameń* 'камень'), либо к личному имени (гидр. *Leibis* из др.-лужицк. **L'ubiš* к антроп. *L'ubiš*). По способу связи между онимом и апеллятивом этот тип реконструкции следует отнести, как и второй тип (ойконимы от антропонимов), к интроонимическому уровню, который противопоставляется апеллятивному уровню. Этот вид реконструкции, представленный многочисленными названиями немецких рек типа *Altbach*, не всегда легко отличить от реконструкции ойконимов, образованных от апеллятивов (первый тип), так как в славянских языках одни и те же суффиксы использовались для образования гидронимов и ойконимов, например, продуктивный суффикс *-ica* с расширенными вариантами *-nica*, *-ovica*.

Таким образом, реконструкция древнелужицких топонимов является сложнейшей лингвистической проблемой, от решения которой будет зависеть адекватное описание топонимической системы немецкого языка. Онемечивание славянских топонимов, положившее конец их дальнейшему самостоятельному развитию, для исследователя является, по словам Э. Эйхлера, своего рода *terminus ante quem* (пределом) [7, с. 91]. Учёт онемеченных форм может оказаться весьма полезным при установлении хронологии имён, может дать возможность (хотя бы частично) пролить свет на сложную и изменчивую историю восточных районов Германии.

Список литературы

1. **Городилова Л. М.** Антропогенные ойконимы в деловой письменности Приенисейской Сибири XIII – начала XVIII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. Ч. 2. № 1 (31) С. 61-64.
2. **Лемтюгова В. П.** Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: названия типов поселений. Минск: Наука и техника, 1983. 198 с.
3. **Матвеев А. К.** Ономастология / Отд.-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. 292 с.
4. **Попова В. Н.** Ареально-ретрогрессивный метод А. П. Дульзона в исследовании субстратной топонимии // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 50-54.
5. **Роспонд С.** Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9-89.
6. **Хенгст К.** Типология адаптации славянских имён собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке) // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 151-157.
7. **Эйхлер Э.** Древнелужицкая языковая особенность по данным топонимики (К вопросу о славянском ономастическом атласе) // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 80-91.
8. **Atlas altsorbischen Ortsnamentypen. Studien zu toponymischen Arealen des altsorbischen Gebietes im westslawischen Sprachraum** / hrsg. von E. Eichler; unter der Leitung von I. Bily bearbeitet von I. Bily, B. Breitfeld und M. Züfle. Stuttgart: Verlag der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 2003, Heft 2. 182 S.; 2003, Heft 3/4, 197 S.; 2004, Heft 5. 216 S.
9. **Berger D.** Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1993. 296 S.
10. **Eichler E.** Perspektiven der slawischen Ortsnamenforschung // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 27. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. 1988. S. 20-51.
11. **Hengst K.** Der Name Leipzig als Hinweis auf Gegend mit Wasserreichtum // Namenkundliche Informationen 95/96 / hrsg. von E. Eichler, K. Hengst und D. Krüger. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2009. S. 21-32.
12. **Müller K.** Altpolabische Kurznamen in Ortsnamen Brandenburgs und westlich benachbarter Gebiete Holsteins sowie Niedersachsens // Namenkundliche Informationen 81/82 / hrsg. von E. Eichler, K. Hengst und D. Krüger. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2002. S. 95-118.

ON RECURSIVE METHOD IN EAST GERMANY SUBSTRATE TOPONYMY STUDY

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State Agrarian University
anbelajew@mail.ru

In the article the Slavic substrate toponymy within the territory of East Germany is considered basing on the materials collected after Ernst Eichler's famous works of the second half of the XXth century. The article especially focuses on the recursive method of research. The author describes three types of recursion in detail. Some word-formative particularities of the Old Sorbian toponyms are characterized on the basis of the analysis of the revealed facts of the Slavic substrate toponymy.

Key words and phrases: proper name; appellative; Slavic substrate toponymy; recursive method; type.